
Хранитель русской культуры Никита Алексеевич Струве

Маргарита Вандалковская

Nikita Alekseevich Struve, a custodian of Russian culture

Margarita Vandalkovskaya

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Никита Алексеевич Струве (1931–2016) — литературовед, славист, публицист, издатель, историк церкви, общественный и религиозный деятель, внук П.Б. Струве — своими корнями и помыслами был связан с эмигрантами, высланными из России на «философских пароходах» или бежавшими от террора большевиков.

Эту эмиграцию отличали высочайшая культура, беззаветная любовь к оставленному отечеству и вера в его возрождение. Н.А. Струве вполне обоснованно признавал её уникальным мировым явлением. Он полагал, что это было не исходом русских, а исходом самой России: «После революции за границей наличествовал кусок прежней России, и по ней можно, как палеонтологу, изучить, чем была Россия и чем бы она стала, если бы не случилось этого жуткого провала»¹.

Н.А. Струве был знаком с И.А. Буниным, С.Л. Франком, А.М. Ремизовым, Б.К. Зайцевым, А.А. Ахматовой, «застал русское духовенство очень высокого уровня», в частности о. Сергия Булгакова. «Такие эпохи религиозно-философского творчества, какое было в России до революции, а особенно просияло в эмиграции, — писал Никита Алексеевич, — тоже случаются не каждое столетие. Свидетельствовать о нём — высокая задача»². Выполняя её, Струве многое делал для сохранения памяти о русских изгнанниках, заботился о передаче России их интеллектуального наследия и сам воплощал в своей многогранной деятельности их духовно-нравственные ценности.

Я познакомилась с Н.А. Струве в сентябре 1993 г. во время состоявшейся в Москве международной конференции «Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940». Это была одна из первых конференций, проводившихся с участием потомков эмигрантов «первой волны». В том же году я слушала лекции Никиты Алексеевича о русской литературе во Французском лицее, действовавшем при МГУ им. М.В. Ломоносова. На необычайно чистом русском языке, без каких-либо надуманных анахронизмов и неологизмов, он рассказывал о встречах с Ахматовой, о своём знаменитом деде и его дружбе с Буниным, о «мире сказок и снов» Ремизова и о том, как помогал писателю в конце его жизни.

В 1999 г. Струве пригласил меня участвовать в конференции, посвящённой эмигрантским учёным, в Славянском институте в Париже. Его интересовала тогда полемика между П.Б. Струве и П.Н. Милюковым об оценке Белого движения и методах борьбы с советской властью. Тогда же Никита Алексеевич

© 2017 г. М.Г. Вандалковская

¹ Струве Н.А. Православие и культура. М., 2000. С. 596.

² Там же. С. 597.

поделился заветным желанием издать оставленный Петром Бернгардовичем «Дневник политика», охватывающий 1925–1935 гг., и предложил подготовить его к публикации. В дальнейшем он пристально следил за ходом работы, написал предисловие («Мой дед П.Б. Струве»), присылал фотографии. В 2004 г. книга была выпущена издательством «Русский путь»³.

Общение с Никитой Алексеевичем было интересным и приятным, духовно обогащавшим собеседника. О его человеческих качествах очень точно написала Н.Д. Солженицына: «Он был благороден, бескорыстен и щедр, обладал остротой взгляда, большим и глубоким умом, был интеллектуально свободен, притягивал и самой манерой общения – лишённой всякого пафоса, ироничной, но скрыто-нежной»⁴.

Родословная Н.А. Струве во многом определила уровень полученного им воспитания и образования. Его прапрадед – Василий Яковлевич Струве – был немцем, который, «предчувствуя в себе учёного», бежал от наполеоновских войск и основал Пулковскую обсерваторию. Последующие пять поколений его потомков связали свою судьбу с астрономией. Прадед Никиты Алексеевича служил губернатором в Астрахани, затем в Перми, дед – Пётр Бернгардович – являлся известным философом, историком, экономистом и политиком, отец – библиофил, антиквар, член правления Общества русской книги и Ассоциации Тургеневской библиотеки, мать – Екатерина Андреевна (урожд. Катуар) – художница, также состоявшая в Ассоциации Тургеневской библиотеки.

Родившись во Франции, Никита Алексеевич считал себя французом и одновременно русским, по своей культуре, исторической привязанности и по усвоенной от деда нравственно-политической закваске⁵. «Моя родина – Франция, – говорил он, – моё отечество – Россия»⁶. Ему хотелось, чтобы Россия оставалась отечеством и для его троих детей и восьми внуков. «Теперь, – рассказывал он, – к ним прибавилась правнучка Валентина, которая в три года говорит по-русски, хотя её отец француз. Россия для моих детей – не чужой мир»⁷. «Мы, как люди двойной культуры, – полагал Струве, – можем сегодня представлять в России лицо Запада... Мы – вполне западные люди, родившиеся и сформировавшиеся там, и в то же время вполне русские люди»⁸. К людям двойной культуры он относил также Ф.И. Тютчева, А.С. Хомякова, В.В. Набокова и др.

Высшее образование Н.А. Струве получил в Сорбонне. Своим учителем и другом он считал П.К. Паскаля (1890–1983) – филолога-классика, возглавлявшего в 1950–1960-х гг. кафедру русского языка и «захваченного», по словам Никиты Алексеевича, «русской темой во всём её многообразии». Струве не сомневался, что своими трудами о протопопе Аввакуме и Ф.М. Достоевском, о русской крестьянской культуре и народной вере, «всем своим

³ *Струве П.Б.* Дневник политика (1925–1935) / Отв. ред. М.Г. Вандалковская и Н.А. Струве. М., 2004.

⁴ *Солженицына Н.Д.* Слово после отпевания Никиты Алексеевича Струве (13 мая 2016 г. в Свято-Александро-Невском кафедральном соборе на ул. Дарю в Париже) // Вестник русского христианского движения. № 206. Париж; Нью-Йорк; М., 2016. С. 10.

⁵ *Струве Н.А.* Православие и культура. С. 593.

⁶ Известия. 2011. 28 февраля.

⁷ Там же.

⁸ *Струве Н.А.* Православие и культура. С. 598.

подходом к России, продолженным его учениками, Паскаль оставит долгий и глубокий след в познании Запада о России»⁹.

В 1950-х гг. Струве преподавал русский язык и литературу, читал лекции о поэзии Серебряного века, равной которой, по его мнению, не было в мире, об Ахматовой, Гумилёве и др. В 1979 г. он защитил докторскую диссертацию «Осип Мандельштам. Его жизнь и время». Судьба поэта рассматривалась в ней как пример религиозного, нравственного и литературно-политического подвига, «залог духовного воскресения России». Беседы с Анной Ахматовой, близкой к семье Мандельштама, по словам Струве, поддерживали и вдохновляли его в работе над книгой, опубликованной в 1982 г. на французском и русском языках¹⁰. Статьи Струве, профессионально раскрывавшие особенности творчества А.А. Ахматовой, А.М. Ремизова, М.И. Цветаевой, А.А. Фета, А.А. Блока, С.А. Есенина, Е.И. Замятина, как и статьи о Н.А. Бердяеве и церковных мыслителях и деятелях, были проникнуты чувством сопричастности России, её истории и культуре.

Развитие и жизнеспособность культуры, литературы и искусства, по мнению Струве, прямо зависели от одухотворяющей роли религии. Он был уверен в том, что «всякое слишком большое отстояние искусства от религии грозит искусству отсыханием»¹¹. Более того, «в век... “крушения кумиров” одна религиозная идея может спасти человека, утвердить его дух, осветить его разум, смягчить его сердце»¹². Поэтому работу профессионального литературоведа и писателя Никита Алексеевич успешно сочетал с активным участием в русском студенческом христианском движении. Он руководил кружками по изучению Священного Писания, читал лекции на Высших женских богословских курсах, написал книгу «Христиане в СССР», переведённую на пять языков¹³. В 1998 г. его избрали членом епархиального совета Архиепископии православных русских церквей в Западной Европе под омофором Константинопольского патриархата.

Почти полвека Струве руководил «Вестником русского христианского движения», будучи в 1970–2016 гг. его ответственным редактором. «Вестник РХД» был уникальным изданием, создававшим своего рода «мост» между церковью и миром. В нём публиковались статьи по богословию, литературе, общественно-политическим вопросам. Журнал стремился продолжить «славную традицию православного богословия», выявлять богатства русской культуры, пристально изучать религиозные и интеллектуальные движения на Западе, способствовать духовному возрождению в России и держать в поле зрения его ростки¹⁴. В «Вестнике» часто критиковался советский строй, обличались гонения на религию, Церковь и инакомыслие, отсутствие политических свобод и гласности. Вину за происходящее в Советской России Струве возлагал на Коммунистическую партию¹⁵. Не случайно в СССР его объявляли врагом, а во Франции, где были сильны левые и коммунисты, долго не утверждали в звании профессора.

⁹ Там же. С. 197–201.

¹⁰ Там же. С. 28, 378–404; *Struve N.A. Ossip Mandelstam: la voix, l'idée, le destin.* Paris, 1982; *Струве Н.А. Осип Мандельштам.* Лондон, 1988.

¹¹ *Струве Н.А. Православие и культура.* С. 539–540, 571.

¹² Там же. С. 42.

¹³ *Struve N.A. Les chrétiens en URSS.* Paris, 1963.

¹⁴ *Струве Н.А. Православие и культура.* С. 20, 36, 41, 70.

¹⁵ Там же. С. 61–63, 95.

Огромное значение имела деятельность издательства «YMCA-Press», занимавшегося публикацией и пропагандой православного наследия России и обращавшегося преимущественно к молодому поколению. С 1956 г. Струве состоял членом его правления, а затем и директором. Естественным наследником и продолжателем дела «YMCA-Press» с 1991 г. стало советско-французское предприятие «Русский путь». Председателем правления, а затем и главным редактором его стал Н.А. Струве, а генеральным директором — В.А. Москвин. «Русский путь» выпускал произведения епископа Кассиана (Безобразова), архиепископа Василия (Кривошеина), «Записки» священника Александра Ельчанинова, а также сочинения А.И. Солженицына, Б.К. Зайцева, Д.С. Мережковского, Л.И. Шестова, П.М. Бицилли и др. «YMCA-Press» передала «Русскому пути» свои серии «Исследования новейшей русской истории» (ред. А.И. Солженицын) и «Всероссийская мемуарная литература» (ред. Н.Д. Солженицына). К 1995 г. открылись Библиотека «Русское зарубежье», основанная на огромном собрании «YMCA-Press», книжный магазин и представительство «Вестника РХД».

Струве и Москвин объездили почти всю Россию. Они побывали в Твери, Орле, Воронеже, Ставрополе, Тюмени, Иркутске, Рязани, Владимире, в так называемых малых городах — Торжке, Вышнем Волочке, Касимове, Георгиевске. Всего они посетили около 50 городов, проводя книжные выставки и передав местным библиотекам около 40 тыс. экземпляров книг «YMCA-Press». Об одной из таких поездок в г. Ливны Орловской обл. Москвин рассказал впоследствии в интервью, отметив сильное впечатление, произведённое на слушателей лекцией Струве о С.Н. Булгакове. В ней, в частности, говорилось, что о. Сергей «по своей значимости, по масштабу своей фигуры для христианского богословия XX века сопоставим с Фомой Аквинским». Вскоре в краеведческом музее была организована экспозиция, посвящённая богослову и философу, Пролетарскую площадь переименовали в его честь, на здании духовного училища, где он учился, установили мемориальную доску и т.д.¹⁶

В начале 1990-х гг. Н.А. Струве вместе с тогдашним послом Франции Пьером Морелем всемерно способствовали распространению в России французской культуры. При финансовой поддержке посольства Франции осуществлялись переводы художественной, научной и общегуманитарной литературы «от Пруста до Раймона Арона и Броделя»; были учреждены две премии: выдающегося российского переводчика Мориса Ваксмахера — для лучшего перевода и известного слависта А. Леруа-Болье — для лучшего исследования о Франции на русском языке. Одновременно действовала программа «Пушкин», в рамках которой публиковались стихи французских поэтов, неизвестные до того времени в России. Объявляя «день» или «неделю» Франции, Струве и Морель ездили по России и дарили библиотекам книги¹⁷. За огромную просветительскую и благотворительную деятельность Никита Алексеевич был удостоен Государственной премии России. По словам исследователя русской литературы XIX–XX вв. М. Никё, почётного профессора университета Кана

¹⁶ С мыслью о России: Беседа с В.А. Москвиным // Библиотеки Москвы — юношеству: практика работы, проекты, информация. Вып. 26. М., 2008. С. 32.

¹⁷ Морель П. Памяти Никиты Алексеевича Струве // Вестник русского христианского движения. № 206. С. 13–18.

в Нормандии, принятая на себя Струве роль «посредника между Западом и Россией, в его понимании — не сущностно противоположных, но взаимодополняющих..., является бесценной»¹⁸.

Одним из самых значительных событий в своей жизни Струве считал знакомство с Солженицыным, которое переросло затем в многолетнюю дружбу. При этом творчество писателя представлялось ему важным «не только в литературном плане, но и духовно-историческом, как ответ на вопрос всех выброшенных или рождённых вне родины: а жива ли ещё Россия!»¹⁹. Вместе с Г. Газдановым и Г. Адамовичем в 1970 г. Струве принял участие в «круглом столе», посвящённом «Раковому корпусу». В 1971 г. «YMCA-Press», по просьбе Солженицына, издала его роман «Август Четырнадцатого»; в декабре 1973 г. Струве опубликовал в Париже первый том «опыта художественного исследования» «Архипелаг ГУЛАГ».

Первая встреча Струве с Солженицыным состоялась 15 февраля 1974 г. в Цюрихе, куда Александр Исаевич приехал вскоре после высылки из СССР. Для Никиты Алексеевича, по его воспоминаниям, это был «незабываемый момент»: Солженицын сказал ему, что видит день своего возвращения в Россию и приезд туда самого Струве. Эти слова вызвали в тот момент у собеседника удивление и недоверие. Он и впоследствии называл «чудом» то, что его друг всё же вернулся в Россию и после двадцатилетнего изгнания у него сложилась «удивительно законченная судьба». На рубеже XX–XXI вв., часто бывая в Москве, Никита Алексеевич неоднократно останавливался у Солженицыных. «Вообще я считаю, — писал он, — что роль и фигура Александра Исаевича — не на один день, а на десятилетия, если не на века»²⁰. Ему казалось, что «образ и слово» Солженицына изменят, очистят воздух, которым дышит тяжело выздоравливающая Россия»²¹.

Будучи глубоко верующим человеком, Струве высоко ценил христианское мироощущение писателя, его верность «данности России», готовность признать её «и великой, и мелкой, и святой, и греховной». Он не раз утверждал, что Солженицын как прозаик, общественный деятель и публицист «свидетельствует не только против коммунизма, но и в пользу России, не только против лжи, но и в пользу истины»²². Никита Алексеевич видел в нём продолжателя традиций Пушкина, Толстого, Достоевского, Тургенева и Чехова, воспринимал его произведения «не как простое отображение истории, а как попытку... проникнуть в её сокровенный смысл», как некое «мерило правды»²³. Научная точность освещения исторического материала, полагал Струве, не мешает их «поэтической экспрессии: они органично слиты». При этом он, возможно, даже несколько преувеличивал масштаб творчества своего друга. «У Пушкина, — размышлял Никита Алексеевич, — в меньшей мере (всё же “Капитанская дочка” отделилась от собственно “Истории Пугачёвского бунта”), у Толстого в большей поэт придавал историка.

¹⁸ Никё М. Н.А. Струве — издатель С.А. Клычкова (Из воспоминаний о Н.А. Струве) // Там же. С. 33.

¹⁹ Струве Н.А. Православие и культура. С. 203.

²⁰ Там же. С. 593–595.

²¹ Там же. С. 148–149.

²² Там же. С. 77.

²³ Там же. С. 123–124, 482–483.

У Солженицына впервые взыскательный художник находится в ладу с добросовестным историком, причём ведущая роль остаётся за художественным заданием»²⁴.

Отличительной особенностью произведений Александра Исаевича Струве считал также «неразделимость» личной и всенародной судьбы, гармоничное слияние общего и частного²⁵. Как профессиональный филолог он отмечал умение писателя искусно совмещать время и пространство, использовать переключку с современностью, показывать взаимопроникновение эпох — описываемой и той, в которой создано произведение, точно передавая их языковые особенности и т.д.

Струве не получил специального исторического образования, но его общетеоретические суждения о развитии стран Запада и России и конкретные оценки лиц и событий прошлого отличались профессионализмом. При этом он неизменно верил в будущее возрождение России.

Струве был убеждён, что русским людям всегда присуща жажда духовной жизни, вера в Бога, добавляя к этим наиболее ценным для него качествам честность, правдивость, щедрость, доброту и мужество²⁶. Но со свойственной ему осторожностью он предостерегал, что вера в Россию не должна быть легковесной и безответственной, «она должна быть зрячей, покаянной, ответственной и жертвенной»²⁷.

Струве понимал, что «ввиду особого положения России между Востоком и Западом, ввиду частых разрывов в её истории, спор о России всегда был и будет». Он проходит через всю общественную мысль XIX—XX вв. — от Чаадаева и Пушкина, славянофилов и западников до мыслителей русской эмиграции. Однако «спор должен быть о России, а не против неё. Цель его — нахождение путей для будущего. И в итоге спор о России должен стать спором за Россию»²⁸.

По мнению Струве, семидесятилетнее господство коммунистической власти приостановило развитие страны, но не уничтожило её своеобразия. Пристально следя за ходом горбачёвской перестройки, Никита Алексеевич констатировал постепенное расширение духовной свободы и начавшийся пересмотр прежней идеологии²⁹. Теперь следовало использовать и переработать западный опыт, который был упущен. Однако необходимое «пополнение дефицита цивилизации» грозило усвоением «низкой глобализованной культуры, приводящей к единообразию информации, ведущей к единству воззрений и возможной тираничности», т.е. тех влияний, которые характерны для «потребительского Запада»³⁰.

Симптоматично, что Струве часто обращался к идеям К.Н. Леонтьева, воспринимая его как «прорицателя грядущей России». Со своей стороны, Струве связывал своеобразие России с принадлежностью к византийско-православной культуре, обогащённой соприкосновением с Западом, и думал, что «в новейшем неизбежном “озападнении” Россия останется собой

²⁴ Там же. С. 513–514.

²⁵ Там же. С. 37, 147, 487.

²⁶ Там же. С. 85–86, 181–184, 550.

²⁷ Там же. С. 27.

²⁸ Там же. С. 67.

²⁹ Там же. С. 110, 124–125.

³⁰ Там же. С. 139–140, 556.

только в верности изначальному призванию византийско-европейскому, не чураясь и не отгораживаясь, а копая вглубь, не оглядываясь назад, а простираясь вперёд и устремляясь ввысь»³¹. «Коромыслом или бадьёй от Запада не отгородиться, — писал он. — Волей-неволей идя “на выучку к Западу”, своё следует искать в тех пластах национального бытия, которые времени не подвластны, в глубинах религиозного духа, в неистощимом богатстве великой культуры и великого русского эллинского языка»³².

Возрождение России для Струве было неразрывно связано с восстановлением и укреплением позиций Церкви, независимой от государства и пользующейся авторитетом в обществе, чуждой как косности, так и обновленческих экспериментов. Его беспокоили предпринимавшиеся в условиях обрётённой свободы попытки идеологизировать церковную жизнь, придать ей политическую и национальную окраску. Он был с теми, кто во главе с патриархом Алексием II следовал заветам святителя Тихона и старался «держат курс церковного корабля выше политики»³³. «Сегодня, — писал Струве в 1992 г., — больше всего нужны православию спокойная вера и знание, эта высококвалифицированная и высококультурная просвещённость»³⁴.

Будущую Россию Никита Алексеевич, разумеется, видел капиталистической страной, но он понимал трудность изменения хозяйственного уклада, не имевшего аналогов в мировой истории. Капитализм всюду нарастал постепенно, как это происходило и в России до 1914 г. Если бы не было «семидесятилетнего зияния», страна, по его мнению, несомненно, развилась бы в крупную не только политическую, но и экономическую мировую державу³⁵. Теперь же новая Россия нуждалась в разумной приватизации собственности, модернизации экономики, обеспечении её рентабельности и конкурентоспособности. Но в целом Струве не скрывал своего оптимизма и заявлял, что «лет через десять—двадцать в зависимости от превратностей экономической жизни, Россия займёт в Европе и Евразии едва ли не ведущую роль»³⁶.

Никита Алексеевич часто размышлял о будущем российской демократии. Процесс демократизации как выравнивания условий жизни казался ему объективным, неизбежным и необратимым, обусловленным распространением всеобщего образования, всеобщей воинской повинности, достижениями техники, медицины и т.д. Ослабление социальных перегородок между различными слоями общества, как полагал Струве, возможно и при авторитарном режиме. Не случайно П. Паскаль считал, что «русское дореволюционное общество при последнем монархе было куда более демократическим, чем французское общество при Третьей республике»³⁷.

Струве хорошо знал книги А. де Токвиля «О демократии в Америке» и «Старый порядок и революция» и не идеализировал демократические порядки. Не раз эта тема обсуждалась им с Солженицыным, и оба они соглашались, что западная форма демократии не совсем подходит к России с её

³¹ Там же. С. 145.

³² Там же.

³³ Там же. С. 143—144.

³⁴ Там же. С. 30—31, 201—204, 221.

³⁵ Там же. С. 547—548.

³⁶ Там же. С. 555, 561.

³⁷ Там же. С. 532.

православной культурой. По мнению Струве, «православие склонно к смешению демократических и авторитарных начал», оно «менее демократично, чем протестантизм, но и менее авторитарно и единодержавно, чем католичество»³⁸. Впрочем, тот или иной элемент авторитаризма Никита Алексеевич признавал необходимым и в демократических государствах, иначе они неизбежно окажутся бессильны³⁹.

Струве указывал на необходимость разграничения авторитаризма и тоталитаризма, между которыми усматривал «бездну». Сильная власть, ограничивая политические права, как правило, сохраняет и даже гарантирует гражданскую свободу. При этом сами формы правления могут постепенно смягчаться. Всё дело тут в происхождении власти, гарантиях её доброкачественности и правилах передачи. Более того, в кризисные периоды преимущества авторитарного строя могут спасти страну от анархии или тоталитаризма, который притязает на всего человека и навязывает ему «целостную систему жизни и мыслей», лишая внутренней свободы⁴⁰.

Жизненные наблюдения привели Струве к мысли о нежизнеспособности многопартийной системы управления. Так, он утверждал, что Ш. де Голль вывел Французскую республику из тупика, «вспрыснув» в неё «долю авторитаризма». Скептически Никита Алексеевич относился и к власти большинства над меньшинством, и к установлению равенства без привычки пользоваться политической свободой, что привело Францию в XVIII в. к революции и тирании. Смущало его и то, что равенство порождает индивидуализм, порою мешающий осуществлять «общее дело»⁴¹. В странах же, где образованный класс составляет меньшинство, создание авторитарных систем Струве признавал неизбежным.

В России, по мнению Никиты Алексеевича, демократия нуждалась в сочетании авторитаризма и «незыблемой правды либерализма», состоящей в соблюдении свободы передвижения, мысли, совести, наличии права выбора и т.д.⁴² Для установления же подобного строя чрезвычайно важно сохранять спокойствие и стабильность, планомерно трудиться, избавляться от иллюзий и эйфории, освобождаться от предрассудков, избегать пустых эффектов и помнить, что избавление от всех язв и несовершенств демократии требует времени, терпимости, чувства такта и сдержанности в оценке происходящего⁴³.

Творческое наследие и неутомимая просветительская деятельность Н.А. Струве значительны и по своему замыслу, и по содержанию. Это уникальный пример целеустремлённой и многоплановой пропаганды православной культуры на Западе и западной культуры в России, прямое продолжение и развитие гуманистических и духовных традиций русской интеллектуальной эмиграции XX в.

³⁸ Там же. С. 538.

³⁹ Там же. С. 536.

⁴⁰ Там же. С. 535–536.

⁴¹ Там же. С. 532–537.

⁴² Там же. С. 539.

⁴³ Там же. С. 600–601.